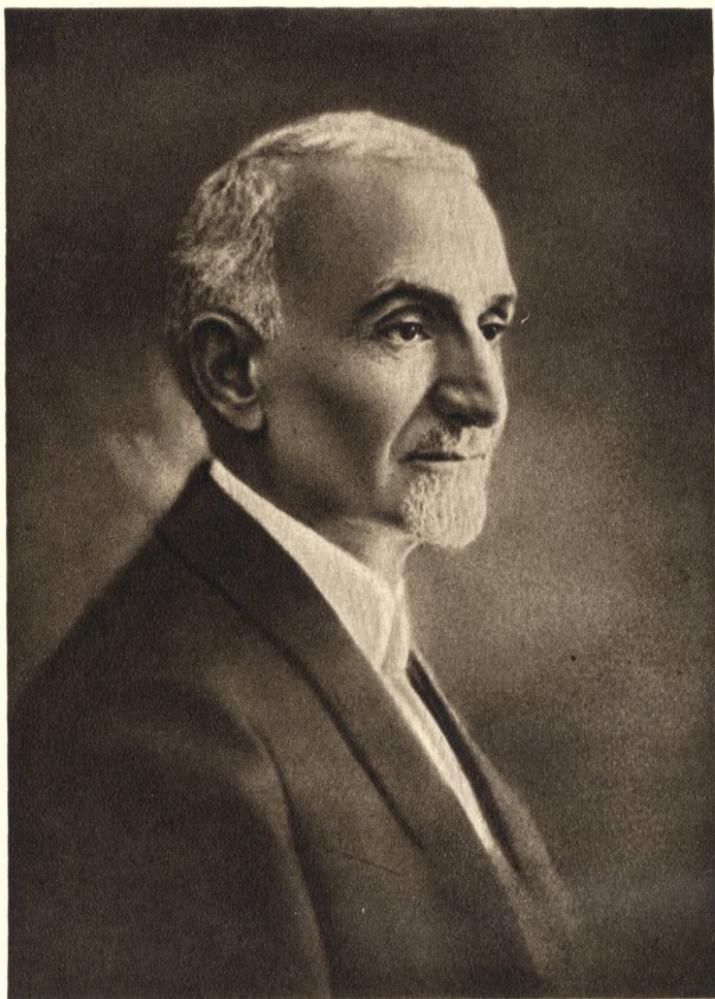

О В А Н Е С Т У М А Н Я Н

ИЗБРАННОЕ

Детгиз · 1950

ՕՎԱՆԵՍ ԿՄԱՆՅԱՆ

1869—1923

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ОВАНЕС ТУМАНЯН

Т 83

ИЗБРАННОЕ

Рисунки В. Ермолова

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1950 Ленинград

57816

2007.08.06

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМЪ ДЕТЕЙ И ЮВЕН
ДЕТГИЗА~~

696573 к/р еф

Российская государственная
детская библиотека

ОВАНЕС ТУМАНЯН

Дети разных национальностей нашего необъятного Союза любят произведения народного армянского поэта Туманяна, которые уже переведены на русский, украинский, грузинский, азербайджанский и другие языки.

Ованес Туманян родился в 1869 году, в селении Дсех. Теперь это горное селенье переименовано в «Туманян», и там устроено отделение музея имени писателя.

Учиться маленький Ованес начал у дьячка Саака, который бил своих учеников за малейшую провинность. Учиться было неинтересно, потому что сам дьячок знал очень мало. Ованес любил в долгие зимние вечера слушать сказки, легенды, предания старины от стариков-крестьян.

Ованесу Туманяну пришлось жить и творить в царское время. Он видел, что крестьяне живут в бедности, под гнетом помещиков и царских чиновников, что крестьяне должны терпеть и молчать.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция создала условия для свободного творчества писателя. Туманян горячо приветствовал утверждение советской власти, в которой он видел спасение

и залог светлого будущего как армянского, так и всех других народов.

В своих письмах и статьях Туманян неоднократно говорил о своей горячей любви к русскому народу и к его литературе. Особенно поэт любил Пушкина и Лермонтова.

Общительный, добрый и сердечный в жизни, он очень любил детей и охотно писал для них. И детям близок Туманян — автор забавных басен, чудесных легенд, песен и увлекательных сказок.

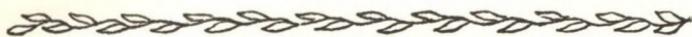
В этой книге вы прочтете рассказ о деревенском мальчишке Гикоре, которого отец вынужден был отвезти в город и отдать в услужение купцу. Маленький Гикор должен был целыми днями стоять у лавки и зазывать покупателей.

Зимой, плохо одетый, мальчик заболел и умер.

И во многих других своих произведениях Туманян пишет о жизни крестьянских детей в тяжелых условиях дореволюционного периода.

Жестокая болезнь оборвала жизнь Ованеса Туманяна в полном расцвете сил, и чудесные творческие замыслы остались неосуществленными.

НЫВАРД ТУМАНЯН

СТИХОТВОРЕНИЯ

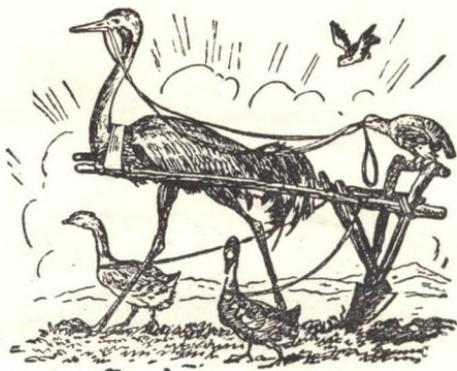

ЖУРАВЛИ

«Кли-кли!» журавли
Закурлыкали вдали.
Под крылом своим они
В дом весну к нам принесли.

МАЛЕНЬКИЙ ЗЕМЛЕДЕЛЕЦ

Народное

Пришла весна, кричат скворцы,
Бегут ручьи во все концы,
Пахать выходят молодцы.
В плуг журавля я запрягал,
Гусей помощниками брал,
Пахать воробушка позвал,
А куропатке вожжи дал.
Так поле я свое вспахал,
Ячмень, пшеницу раскидал.

МАЙ — ЗЕЛЕНЫЙ БРАТ

Эй, зеленый брат!
Эй, любимый брат!
Принеси с собой
Полдень золотой,
Аромат цветов,
Травок и листов,
Звонкий лепет вод,
Синий небосвод,
По лесам, лугам
Пестрых птичек гам,
Блеянье ягнят,
Пляски, песни в лад.
Эй, зеленый брат!
Эй, любимый брат!

ВЕСЕННИЙ ЗОВ

Вот солнце весны!
Сияет простор.
Пойдем ли, мой друг,
Мы в сторону гор?
Туда, где утес
Встает к небесам, —
Там солнечный мир,
Привольнее там.

Вот розы весны!
Их нежен убор.
Взойдем ли, мой друг,
По склону тех гор?
Там яркие цветы,
И нет им числа.
Их запах хорош,
Улыбка мила.

Вот птицы весны!
Как весел их хор!
Вспорхнем ли, мой друг,
Над высями гор?
С пернатыми петь
Там любо и нам.
Там солнечный мир,
Привольнее там.

ДИТЯ И ВОДА

Народное

С покрытых тучами высот
В село вода идет, поет...
Вот смуглое дитя бежит,
К воде серебряной спешит.
Умылось, брызгами блестя,
И говорит воде дитя:

— С какой горы течешь сюда,
Моя студеная вода?

— С вершины темной, выше всех,
Где рядом с новым старым снег.

— В какой ручей, свежее льда,
Бежишь ты, светлая вода?

— К такому ручейку бегу,
Где много роз на берегу.

— А в чей ты сад идешь, куда,
Моя студеная вода?

— К тому хозяину иду,
Что славно трудится в саду.

РУЧЕЙ

— Куда бежишь —
Скорей, скорей?
Проворен ты,
Красив, ручей.
Побудь со мной
В тени ветвей!

— Нет, милый мой, —
Зовут дела.
Вон мельница
Вблизи села:
Моя вода
Ей жизнь дала.

А вниз взгляни,
В долину, ты —
Там ждут меня
Трава, цветы,
Там жаждут пить
Стада, гурты.

Прощай пока,
Мой дорогой,
Ты видишь, путь
В заботах мой,
Лишь в море я
Найду покой.

ПРЯЛКА

Ты пряди кудель, пряди,
Прялка.
Много дела впереди,
Прялка.
Ты проворна, ты быстра,
Прялка.
Ты голодному сестра,
Прялка.

Светит месяц по ночам.
Это — свет моим очам.
При луне сажусь к окну,
Нитку белую тяну.
Буду пряжею своей
Одевать-кормить детей.

Ты пряди кудель, пряди,
Прялка.
Много дела впереди,
Прялка.
Ты проворна, ты быстра,
Прялка.
Ты бездомному сестра,
Прялка!

696573

Российская государственная
детская библиотека

ТУЧА И УТЕС

Тучу к утесу
Ветер принес.
Туча жалеет
Седой утес,
Шепчет утесу:
— Слушай, дед,
Дней твоих лучших
Нет как нет.
Близко зима,
Холод и тьма.

Так и сбылось:
Старый утес
Накинул покров
Из белых снегов.

КОНЕЦ ОСЕНИ

На склоне гор
Туман лежит,
Во мгле струится,
Ропщет, бурлит
Тонкий ручей,
Грустный ручей:
«Ваш-виш, ваш-виш!
Где же вы, где —
В росах трава,
Розы, листва,
Шатер в горах,
Свирель в устах?
Пусто везде,
Грустно везде...
Ваш-виш, ваш-виш!
Где же вы, где?»

УТРО

Петух три раза прокричал:
— Пора, проснись, кукареку!
Восток багряный запылал,
Лежать не время на боку!

Уж темноты полночной нет,
Она сокрылась в край иной,
А землю заливают свет,
Приветный, чистый, золотой.

И шум и радость в деревнях
С благоуханным встали днем,
И песнь работника в полях,
Звеня, сливается с трудом.

НА РАССВЕТЕ

Народное

— Кукареку! —

Петух проснулся на шесте.

— Чик-чик, чирик! —

Запела птичка в темноте.

— Кукареку! —

С рассветом вновь поет петух.

— Но-но, но-но! —

Погнал овец в луга пастух.

— Кукареку! —

При солнце в третий раз поет.

— Ох-ох, ох-ох! —

С постели бабушка встает.

СЛЕПОЙ АШУГ

Слепой ашуг во двор забрел,
И песню он свою завел.
Пел и по сазу ударял,
Печально, жалостно играл:

«Эй, слушайте меня: блажен,
Кто может видеть каждый день
И синь небес, и солнца свет,
И милой матери привет».
Пел и по сазу ударял,
Печально, жалостно играл.

РОДНИК

Под горным склоном, между скал,
Родник холодный вытекал,
Но бесполезно лился он,
В болото превратился он.

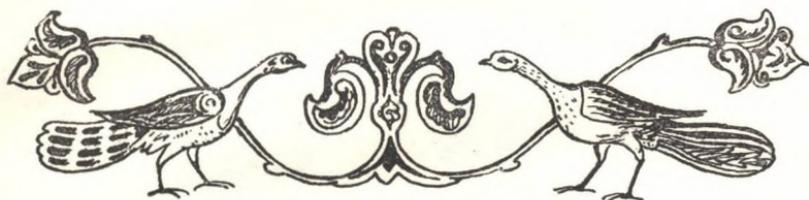
Пастух источник запрудил,
Поток воды остановил
И с песней сладостной сюда
На водопой пригнал стада.

А после лань пришла с горы,
Страдая жаждой от жары,
В запруде досыта пила
И взор свой к небу подняла.

И путник, зноем изнурен,
К тому источнику пришел,
Снял шапку, наклонился он,
И пил и в сердце мир обрел.

И труд чужой благословил
Тот путник, добрый человек:
— Живи, кто воду сохранил,
Ручью подобный, долгий век.

РАССКАЗЫ
И
СКАЗКИ

СОБАКА И КОТ

Сказка

1

Скорняжным
Теплым
Ремеслом
Занялся кот
Когда-то.
Мурлыча песню,
За столом
Сидел
Скорняк усатый...
Как вдруг
К нему
Явился пес

И шкурку
Мягкую
Принес.

2

— Здорово, кот! —
Промолвил пес,
Протягивая лапку. —
Трещит
На улице мороз.
Скорее
Шей мне шапку!
Я за ценой
Не постою.
Ну что ж,
Сошьешь?
— Изволь, сошью!

3

— А долго ль ждать?
— В денек-другой
Окончу я работу.
Ты приходи,
Мой дорогой,
За шапкою в субботу.
Папаху шить —
Не шубу шить.
Для друга
Можно
Поспешить!

4

Такую шапку
Смастерим,
Что будет всем
Завидно.
А о цене
Поговорим.
Нам торговаться
Стыдно.
Папаху шить —
Не шубу шить.
С деньгами
Можно
Не спешить.

5

В субботу утром
Старый пес,
Потягиваясь зябко,
Просунул в дверь
Замерзший нос:
— Ну что,
Готова шапка?
— Нет, — говорят
Ему в ответ.
— А где хозяин?
— Дома нет!

6.

Продрогший пес
Присел и ждет
Перед крыльцом
На тряпке.

Вот по дорожке
Кот идет
В богатой
Новой шапке.
Увидев пса,
Сказал он так:
— Зачем торопишься,
Чудак?
С таким шитьем
Нельзя спешить:
Нешуточное дело!
Папаху шить —
Не шубу шить,
Но надо шить умело.
Побрызгал шкурку
Я с утра,
Теперь кроить
Ее пора.

7

— Мне очень жаль, —
Ответил пес, —
Что шапка не готова.
Но не сердись
На мой вопрос:
Когда явиться
Снова?
Не в гости
Я хожу
В твой дом,
А за своим
Хожу
Добром!

— Ну, так и быть, —
 Бормочет кот, —
 Приди к обеду
 В среду! —
 Среда настала.
 Пес идет
 За шапкою к соседу:
 — Как поживаешь?
 — Жив-здоров!
 — Готов заказ?
 — Нет, не готов! —
 Тут вышел
 Крупный разговор,
 Потом и потасовка.
 — Ты, братец, плут!
 Ты, братец, вор,
 Жена твоя воровка!
 — Щенок!
 — Урод!
 — Молокосос!
 — Паршивый кот!
 — Плешивый пес!

Доходит дело
 До суда.
 Узнав
 Про эту драку,
 Судья сказал:
 — Позвать сюда

И кошку и собаку! —
Лукавый кот
И бедный пес
Вдвоем явились
На допрос.

10

Кто их судил,
Когда и как —
Отдельно
Или вместе, —
Я не скажу.
Но кот-скорняк
С тех пор пропал
Без вести.
Бежал он,
Хвост подняв трубой,
И все меха
Унес с собой!

11

А так как
Этот кот-скорняк
Всем нашим кошкам
Прадед, —
Семейства
Кошек
И собак
Между собой
Не ладят.
Кота увидев,

Честный пес
Рычит
И громко лает,
Как будто
Каверзный вопрос
Задать ему желает:
«Готова шапка
Или нет?»
А кот
Шипит ему в ответ.
При этом кот
Плюется так,
В смущенье
Или в страхе,
Как это делал
Кот-скорняк,
Когда кроил папахи.

КОЗЛЕНОК

В глухом лесу жила-была коза. У нее был хорошенький козленок. Каждый день мать оставляла его дома, а сама шла пастись. Коза паслась, а вечером возвращалась с полным выменем молока. Возвращалась, стучалась, блеяла, приговаривала:

— Козленок мой,
Сынок родной!
Я пришла издалека,
Накопила молока.
Поспешి мне дверь открыть,
Сладко-сладко будешь пить,
Козленок мой,
Сынок родной!

Услышит ее козленок — тотчас отворяет дверь. Мать кормит его и снова уходит.

А за ними обоими следил потихоньку волк. Однажды вечером явился он до прихода козы и зычным голосом закричал:

— Козленок мой,
Сынок родной!
Я пришла издалека,
Накопила молока.
Поспеши мне дверь открыть,
Сладко-сладко будешь пить,
Козленок мой,
Сынок родной!

Козлик слышит и отвечает:

— Кто это? Я не узнаю. Моя мать не так меня кличет. Голос у нее сладкий и тонкий, а у тебя густой и грубый. Не открою я дверь... Уходи!..

И ушел волк восвояси.

Приходит мать и стучится:

— Козленок мой,
Сынок родной!
Я пришла издалека,
Накопила молока.
Поспеши мне дверь открыть,
Сладко-сладко будешь пить,
Козленок мой,
Сынок родной!

Козлик открывает ей дверь и рассказывает:

— А знаешь, мама, что случилось? Давеча кто-то приходил, стучался в дверь и кликал:

Козленок мой,
Сынок родной...

Такой грубый был у него голос! Я испугался... так испугался... Двери не открыл. «Не хочу, — ответил я ему, — уходи!»

— Ай-яй-яй-яй-яй, черненький ты мой! Как хорошо ты сделал, что не открыл! — молвила перепуганная мать. — Ведь это был волк! Он приходил съесть тебя. Другой раз, как придет, не открывай. Скажи: уходи, не то мать моя придет и острыми рогами тебя забодает.

БЕСХВОСТАЯ ЛИСА

Жила-была старуха. Подоила она свою козу, поставила крынку на землю, а сама пошла за щепками и хворостом, чтобы развести огонь и вскипятить молоко.

Приходит лиса, сует нос в крынку и начинает лаять молоко.

Старуха набросилась на нее с мотыгой и отрубила ей хвост.

Бесхвостая лиса, отбежав, взобралась на камень и стала упрашивать старуху:

— Бабушка, бабушка, отдай мне хвост: прилажу я его и побегу, своих подруг догоню, чтобы не говорили: «Где ты пропадала, бесхвостая лиса?»

Старуха ей в ответ:

— А ты ступай принеси мне молоко.

Лиса идет к корове:

— Коровушка, коровушка, дай мне молока; понесу молоко старухе — старуха даст мне хвост. Прилажу я его и побегу, своих подруг догоню, чтобы не говорили: «Где ты пропадала, бесхвостая лиса?»

Корова ей в ответ:

— А ты ступай достань мне травки.

Лиса идет к полю:

— Полюшко, поле, дай мне травы: понесу траву корове — корова даст мне молока, понесу молоко старухе — старуха даст мне хвост. Прилажу я его и побегу, своих подруг догоню, чтобы не говорили: «Где ты пропадала, бесхвостая лиса?»

Поле ей в ответ:

— А ты поди достань мне воды.

Лиса идет к роднику:

— Родничок, родничок, дай мне воды: понесу воду полю — поле даст мне травку, понесу травку корове — корова даст мне молока, понесу молоко старухе — старуха даст мне хвост, прилажу я его и побегу, своих подруг догоню, чтобы не говорили: «Где ты пропадала, бесхвостая лиса?»

Родничок ей в ответ:

— А ты ступай достань мне кувшин.

Лиса идет к девушке:

— Девушка, девушка, дай мне свой кувшин: понесу я кувшин родничку — родничок даст мне воды, понесу воду полю — поле даст мне траву, понесу траву корове — корова даст мне молока, понесу молоко старухе — старуха даст мне хвост, прилажу я его и побегу, своих подруг догоню, чтобы не говорили: «Где ты пропадала, бесхвостая лиса?»

Девушка ей в ответ:

— А ты ступай достань мне бусы.

Лиса идет к коробейнику:

— Коробейник, коробейник, дай мне бусы: понесу бусы девушке — девушка даст мне кувшин, понесу кувшин родничку — родничок даст мне воды, понесу воду полю — поле даст мне траву, понесу траву корове — корова даст мне молока, понесу молоко старухе — старуха даст мне хвост, прилажу я его и побегу, своих подруг догоню, чтобы не говорили: «Где ты пропадала, бесхвостая лиса?»

Коробейник ей в ответ:

— А ты ступай достань мне яичко.

Лиса идет к курице:

— Курочка, курочка, дай мне яичко: понесу яичко коробейнику — коробейник даст мне бусы, понесу бусы девушке — девушка даст мне кувшин, понесу кувшин родничку — родничок даст мне воды, понесу воду полю — поле даст мне траву, понесу траву корове — корова даст мне молока, понесу молоко старухе — старуха даст мне хвост, прилажу я его и побегу, своих подруг догоню, чтобы не говорили: «Где ты пропадала, бесхвостая лиса?»

Курица ей в ответ:

— А ты ступай достань мне зернышко.

Лиса идет к молотильщику:

— Молотильщик, молотильщик, дай мне зернышко: понесу зернышко курице — курица даст мне яичко, понесу яичко коробейнику — коробейник даст мне бусы, понесу бусы девушке — девушка даст мне кувшин, понесу кувшин родничку — родничок даст мне воды, понесу воду полю — поле даст мне траву, понесу траву корове — корова даст молока, понесу молоко старухе — старуха даст хвост, прилажу я его и побегу, своих подруг догоню, чтобы не говорили: «Где ты пропадала, бесхвостая лиса?»

Молотильщик сжалился над ней, дал горсточку зернышек.

Лиса понесла зернышки курице — курица дала яичко, понесла яичко коробейнику — коробейник дал бусы, понесла бусы девушке — девушка дала кувшин, понесла кувшин родничку — родничок дал воды, понесла воду полю — поле дало траву, понесла траву корове — корова дала молока, понесла молоко старухе — старуха вернула ей хвост. Приладила лиса хвост и побежала, своих подруг догнала.

Л Ж Е Ц

Жил-был царь. Объявил тот царь по всей своей стране:

«Если кто придумает такую небылицу, чтоб я сказал: «это ложь», дам тому полцарства».

Приходит пастух:

— Долго здравствовать царю! У отца моего дубинка была, так он ею до неба доставал и звезды перемешивал.

— Ничего тут мудреного нет, — ответил царь. —

У моего деда чубук был, так он бывало один конец в рот засунет, другим от солнца прикуривает.

Почесал пастух в затылке и ушел.

Приходит портной.

— Прости, — говорит он царю, — я малость запоздал. Вчера гроза разразилась, и от молнии небо лопнуло; я штопать его ходил.

— Хорошее дело! Только заштопал ты его неладно — нынче утром опять дождик моросил.

Ушел и портной ни с чем.

Приходит бедняк-мужик, подмышкой у него мера.

— Чего тебе? — спрашивает царь.

— Ты мне меру золота должен, вот я за ним и пришел.

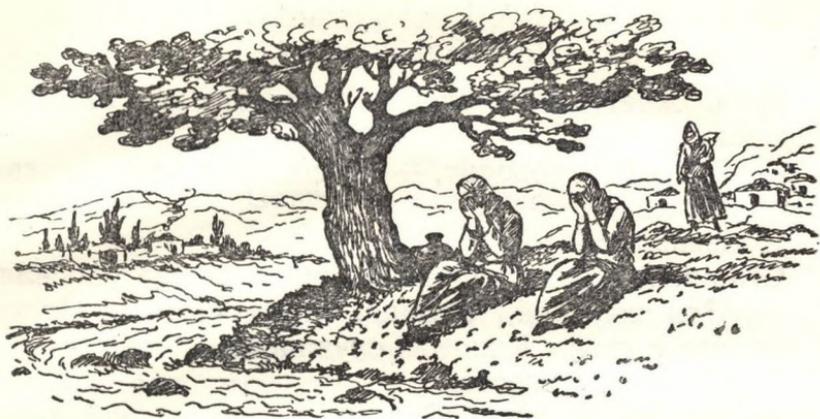
— Я тебе должен? Меру золота? Это ложь!

— А коли ложь, отдавай мне полцарства.

— Нет, нет, это правда! — хотел увернуться царь.

— А правда, так отсыпай меру золота!

СМЕРТЬ КИКОСА

Жили-были бедняк с женой, и было у них три дочери.

Однажды отец работал, и захотелось ему пить; послал он старшую дочь за водой. Девушка взяла кувшин и пошла к роднику. Над родником стояло высокое дерево. Взглянула девушка на дерево и стала раздумывать:

«Вот выйду я замуж, родится у меня сынок, назовем его Кикос. Ползет Кикос на это самое дерево, сорвется, головой о камень ударится, да и помрет...»

— Вай, Кикос-джан, вай!..

Уселась она тут же под деревом и ну причитать:

— Вышла я замуж,
Родила я сына
С шапкой волос,
По имени Кикос.
Полз он на дерево,
Сорвался с дерева.

Вай, Кикос-джан!
Вай, сынок-джан!..

Мать ждет не дождется, посылает за старшей среднюю.

— Сбегай, — говорит, — узнай, чего твоя сестра замешкалась.

Побежала средняя.

Старшая, как ее завила, еще пуще заголосила:

— Иди сюда, ой, тетушка, ой, несчастная! Полюбуйся, что с твоим Кикосом случилось!

— С каким Кикосом?

— Неужто не знаешь?

Вышла я замуж,
Родила я сына
С шапкой волос,
По имени Кикос.
Полез он на дерево,
Сорвался с дерева.
Вай, Кикос-джан!
Вай, сынок-джан!..

— Вай, Кикос-джан, вай! — заголосила и средняя; уселась рядом со старшей, и стали они причитать в два голоса.

Мать ждет, ждет, видит — не возвращаются дочери, посылает младшую.

— Ступай, — говорит, — доченька, погляди, что с твоими сестрицами приключилось.

Пошла младшая.

Идет она и видит: сидят сестры у родника и слезами обливаются.

— Чего это вы плачете?

Тут старшая:

— Неужто не знаешь?

Вышла я замуж,
Родила я сына
С шапкой волос,
По имени Кикос.
Полез он на дерево,
Сорвался с дерева.
Вай, Кикос-джан!
Вай, сынок-джан!..

— Вай, горе твоей тетушке, Кикос-джан, вай! —
рвет на себе волосы младшая; подсела к сестрам и
тоже принялась голосить.

Мать ждет, ждет, а дочек все нет как нет. Отпра-
вилась сама.

Как завидели мать, подняли все три девушки вой:

— Иди сюда, иди, ой, бабушка, ой, несчастная!
Погляди, что с твоим внучком стряслось!

— Какой такой внучек, дочки, что случилось?

Тут старшая:

— Ой, мать, неужто не знаешь?

Вышла я замуж,
Родила я сына
С шапкой волос,
По имени Кикос.
Полез он на дерево,
Сорвался с дерева.
Вай, Кикос-джан!
Вай, сынок-джан!..

— Лучше бы ослепнуть твоей бабушке, Кикос-
джан! — шлепнула себя мать по бедрам и заплакала
навзрыд вместе с дочками.

Видит отец, что жена за дочками пошла и тоже
назад не воротилась, и говорит:

— Пойду посмотрю, что с ними приключилось.

Отправился.

Жена и дочери, как завидели его, заголосили:

— Иди скорей, ой, дедушка, ой, несчастный! Посмотри, что с твоим Кикосом случилось! Бедный, бедный твой Кикос!

— Какой такой Кикос? — удивился бедняк.

Тут старшая:

— Ой, отец, неужто не знаешь?

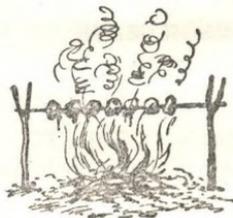
Вышла я замуж,
Родила я сына
С шапкой волос,
По имени Кикос.
Полез он на дерево,
Сорвался с дерева.
Вай, Кикос-джан!
Вай, сынок-джан!..

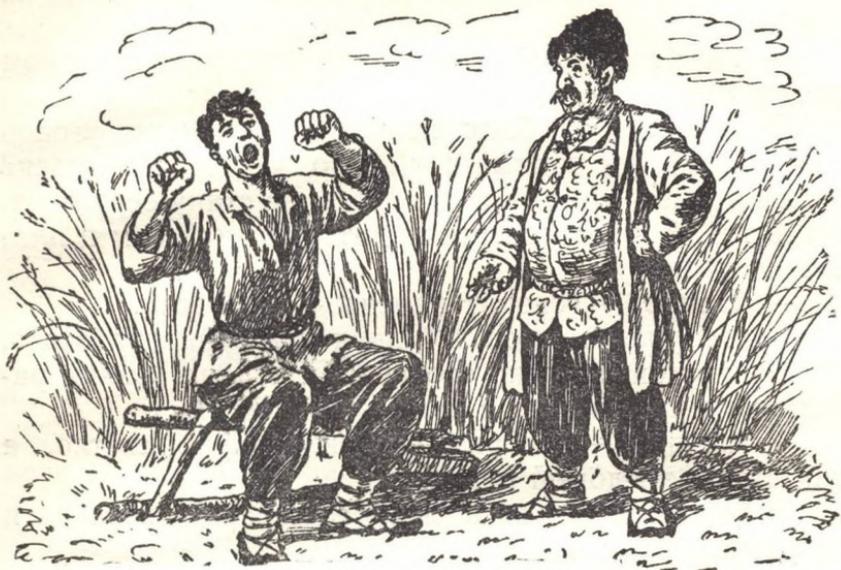
— Вай, Кикос-джан, вай! — сокрушаются мать и дочери, по бокам себя бьют.

Бедняк оказался умнее их.

— Эх, дурехи! — говорит. — Чего вы тут сидите да сокрушаетесь? Как ни причитай, сколько ни плачь, все равно Кикоса не воротить. Вставайте, да и домой: позовем соседей, отслужим панихиду и справим поминки. Слезами горю не поможешь.

И что бы вы думали? Всего добра было у них — один вол о четырех ногах да мешок с мукой. Зарезали они вола, напекли хлеба, созвали соседей, заказали панихиду, да на том и успокоились.

ХОЗЯИН И РАБОТНИК

Жили-были два брата-бедняка. Думали они, думали, как им быть, за что приняться, чем семью прокормить, и порешили так: меньшей дома останется, а старший наймется к богачу в работники и будет заработок домой посылать.

Так и сделали. Старший нанялся к богачу. Работать уговорился до весны, до того времени, как закукует кукушка. Уговор был самый неслыханный — хозяин так определил:

— Коли ты, — говорит, — до срока на что-нибудь рассердишься — уплатишь мне тысячу рублей, а ежели я рассержусь — я уплачу.

— Да у меня нет тысячи рублей, откуда мне их взять?

— Не беда: не уплатишь, так отработаешь даром десять лет.

Парень сперва было испугался — больно уговор был чудной, но подумал: «А что может случиться? Пусть делает, что ему вздумается, не стану сердиться, и все тут. А ежели он рассердится, пускай сам и платит по уговору».

— Ладно, — говорит парень. — Согласен.

Договорились, и стал бедняк у хозяина работать.

На другой же день спозаранку поднял хозяин работника и послал его в поле хлеб убирать.

— Ступай, — говорит, — коси, куда светло, а как стемнеет, домой приходи.

Работник косил весь день и вечером воротился усталый.

— Ну нет, так дело не выйдет! Я тебе говорил: коси, куда светло. Хоть солнце-то зашло, зато братец его — месяц взошел. Разве он хуже светит?

— Как же это так? — удивился работник.

— Гм! Ты уже сердисься? — спрашивает хозяин.

— Нет, я не сержусь. Говорю только, что устал, отдохну маленько... — пробормотал, испугавшись, работник и снова поплелся в поле.

Стал он косить — и косил, пока месяц не закатился. Но только месяц закатился, опять показалось солнце. Обессилел работник, с ног валится.

— Провалиться бы и твоему полю, и харчам твоим, и жалованью! — начинает он ругать хозяина.

А хозяин тут как тут, точно из земли вырос:

— Эге, да ты, никак, сердисься? Коли сердисься, помни наш уговор. Не говори потом, что я с тобой не по закону поступил.

И вот, по уговору, заставляет он работника либо неустойку уплатить, либо работать на него десять лет даром.

Очутился работник между двух огней: и тысячи нет, чтоб хозяину отдать — душу выволить, и работать у такого человека десять лет тяжко.

Думал он, думал, да и выдал расписку на тысячу рублей, а сам, понурый, с пустыми руками, воротился домой.

— Ну, как дела? — спрашивает меньшей.

Тут старший рассказал все, что с ним приключилось.

— Не беда, — говорит меньшей, — не горюй. Теперь ты дома оставайся, а вместо тебя я пойду.

На сей раз снарядился меньшей, пошел и нанялся к тому же самому хозяину.

Богач опять срок назначает: до первого кукованья кукушки. Ежели работник рассердится — уплатит ему тысячу рублей либо проработает на него даром десять лет. Ежели хозяин рассердится — он те же деньги уплачивает работнику, и с того дня тот волен итти, куда хочет.

— Нет, мало мне этого, — говорит парень: — ежели ты рассердишься — ты мне две тысячи уплатишь; а я рассержусь — так я две тысячи уплачу либо отработаю тебе даром двадцать лет.

— Ладно, — ухмыльнулся хозяин.

Договорились, и меньшей поступил к богачу.

Вот утро уж занимается, а работник и не думает вставать.

Хозяин то войдет, то выйдет, работник все не шевелится.

— Вставай, паренек, полдень скоро.

— Гм, ты что, сердисься? — приподымает голову работник.

— Нет, не сержусь! — испуганно отвечает хозяин. — Я только говорю, не пора ли нам в поле.

— Ну, ежели так — ничего, пойдем потихоньку, спешить некуда.

Наконец работник встает и начинает надевать лапти.

Хозяин входит, опять выходит, а тот все с лаптями возится.

— Пошевеливайся, паренек!

— Гм, да ты, кажись, сердисься?

— И не думаю. Я только хотел сказать, не опоздать бы нам на косовицу.

— Это дело другое, а уговор — уговором.

Покуда работник лапти обул, покуда добрались до поля, уж и за полдень перевалило.

— Время ли теперь косить? — замечает работник. — Видишь, все обедать садятся. Пообедаем и мы, а там и за дело.

Пообедали. Работник и говорит:

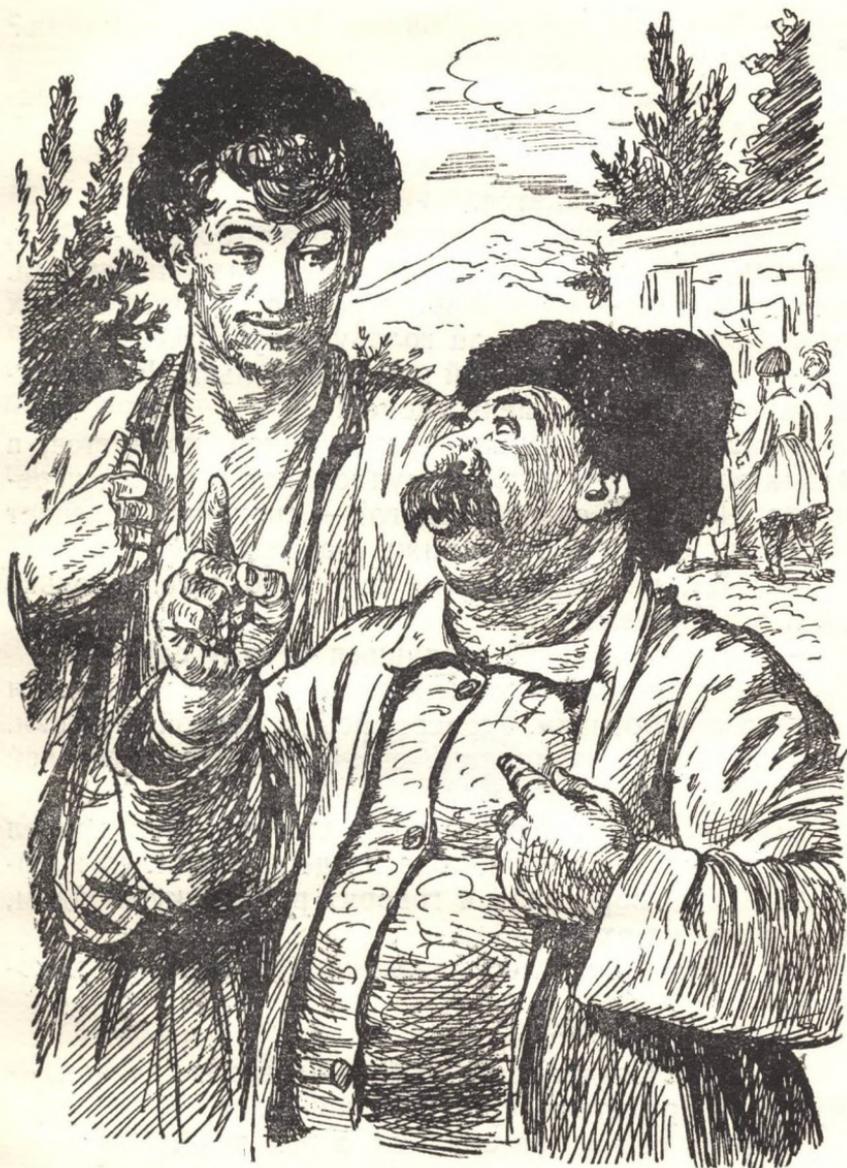
— Люди мы рабочие, надо вздремнуть маленько, сил понабраться, не так ли?

Уткнулся лицом в траву и проспал до вечера.

— Послушай, вставай! Стемнело, все уж косить кончили, одно наше поле не убрано. Шею сломить бы тому, кто тебя прислал! Стань тебе хлеб поперек горла! Провались твоя работа!.. Ну и попал я в беду! — сердится хозяин.

— Гм! Никак, сердисься? — приподымая голову, спрашивает работник.

— Да нет, не сержусь. Я только к тому, что стемнело, домой пора.

— Это дело другое. Пойдем. Уговор-то помнишь? Беда тому, кто рассердится.

Вернулись домой, а там гости. Послал хозяин работника овцу зарезать.

— Которую?

— Какая попадется.

Работник вышел. Вскоре кричат богачу — беги, дескать, скорее, работник все твое стадо перерезал. Бежит хозяин — и впрямь: перерезал работник всех овец. Схватился богач за голову и ну голосить:

— Упади на тебя твой кров, окаянный! Что ты наделал? Разорил ты меня вконец!

— Ты сам говорил — режь, какая попадется, а а они все под руку подвернулись, вот я всех и перерезал. Что ж я сделал такого? — спокойно отвечает работник. — А вот ты, я вижу, рассердился.

— Нет, не рассердился, а жалко мне: сколько овец зря зарезал!

— Ладно, коли не сердишься — буду служить.

Тут хозяин начал придумывать, как бы избавиться от такого работника. Уговорились до первой кукушки, а зима только начинается, еще далеко до весенней кукушки.

Думал, думал хозяин и вот что надумал: привел свою жену в лес, посадил ее на дерево и велел куковать. А сам воротился и говорит работнику: пойдем, мол, в лес на охоту.

Как подошли к лесу, хозяйка и принялась куковать:

— Ку-ку! Ку-ку!

— Ого! Поздравляю тебя! — говорит хозяин. — Кукушка прилетела, срок твой кончился.

Парень сейчас же смекнул, в чем дело.

— Нет, — говорит, — слыхано ли где, чтобы по-

среди зимы кукушка куковала? Надо эту кукушку подстрелить — поглядеть, какая такая она, кукушка!

Сказал, да и прицелился.

Хозяин как закричит — и бросился к нему:

— Не стреляй ты, бога ради! Будь проклят день, когда мы встретились! Эку беду я на себя накликал!

— Да ты, никак, сердисься?

— Да, да, братец, — будет с меня! Пойдем, уплачу пеню да избавлюсь от тебя. Мой был уговор, я и поплатиться должен. Теперь только я старинную поговорку-то понял: «Не рой другому яму — сам в нее попадешь».

Так поумнел богач, а меньшой брат разорвал расписку старшего, получил сверх того тысячу рублей и домой воротился.

ГИКОР

1

В доме крестьянина Амбо шел горячий спор.

Амбо хотел отвести своего двенадцатилетнего Гикора в Тифлис, пристроить там на работу, чтобы он как-нибудь вышел в люди. Жена не соглашалась.

— Не хочу. Не отпущу я своего мальчугана в этот проклятый город! — плакала жена.

Но Амбо не послушал ее.

Было тихое утро, грустное утро. Собрались родные и соседи, проводили Гикора до окраины села, расцеловали крепко и пожелали ему счастливой дороги.

Сестренка Зани плакала, а маленький Гало, вырываясь из рук матери, закричал:

— Гикол, куда идешь, эй, Гикол?

Гикор то и дело оглядывался назад. Долго было видно, как родные всё еще стояли на краю села, а мать утирала фартуком слезы. Он шел рядом с отцом, иногда забегал вперед, иногда отставал. Оглянулся еще раз, но деревня уже скрылась за горкой.

Вскоре Гикор стал совсем отставать.

— Ну-ну, Гикор-джан, живей, живей! Близо уж, совсем близко, — подбадривал его Амбо, идя вперед с перекинутым через плечо хурджином¹, в котором было два-три хлеба, немножко сыру и несколько пачек табаку.

Под вечер, когда они переваливали через горы, вновь показалось вдали, в тумане, их родное село.

— Вон, отец, наш дом! Во-он, видишь? — сказал Гикор, указывая пальцем в сторону села, хотя дома вовсе не было видно.

Они пошли дальше.

Первую ночь они провели в одном селе. Хозяин был старый знакомый.

Медный самовар шумел на краю тахты. Молодая девушка, звеня посудой, перемывала стаканы и разливала чай. На ней было красивое красное платье. Гикор тут же решил, что когда он в городе заработает деньги, то пошлет своей Зани такое же платье.

После ужина хозяин и Амбо беседовали, полулежа на тахте и попыхивая из трубок. Говорили о Гикоре. Хозяин похвалил Амбо за то, что он старается вывести сына в люди. Потом заговорили о войне, о том, что хлеб дорог. Но Гикор был сильно утомлен и вскоре задремал.

На следующий день они уже входили в город.

¹ Хурджин — ковровая переметная сума.

Остановились у старика-конюха. Утром отправились на базар.

— Послушай, кум, ты, случайно, не собираешься отдать мальчика в услуженье? — спросил из лавки какой-то купец.

— Так точно, — ответил Амбо и толкнул Гикора в его сторону.

— Отдай мне его, я возьму, — предложил купец. Это был купец Артем.

2

И вот Амбо пристроил Гикора слугою к купцу Артему. Условия были такие: Гикор должен был убирать комнаты, мыть посуду, чистить обувь, носить в лавку обед и выполнять всякую мелкую работу.

Через год купец должен был взять его в лавку «учеником», и так постепенно Гикор должен был подвигаться вперед.

— Первые пять лет я ничего платить не буду, — сказал купец. — По правде сказать, сам бы ты должен мне платить за то, что сын твой кое-чему научится. Ведь он совсем у тебя ничего не умеет.

— Да где ж ему уметь, хозяин-джан? — ответил Амбо. — Ведь если бы он что-нибудь умел, я бы его сюда не привел. Затем я его и привел, чтоб он кое-чему научился...

— Научится, всему научится. Еще как научится! Вот, знаешь, может быть, Никола из ваших мест, который лавку свою открыл, — его я тоже вывел в люди. Только подконец стянул он у меня две чайные ложки и еще кое-что...

— Нет, хозяин-джан, мой не украдет. Посмей он только, я его за руку — да в Куру.

— Ну, раз малый честный, в люди выйдет.

— Об этом-то я и забочусь, ага-джан, чтоб он в люди вышел, научился говорить, читать, писать, вести себя как следует, узнал бы людей; чтоб не остался несчастным да убогим, как я... А мальчик он смешленный, в нашей деревенской школе уж грамоту стал одолевать, черное от белого отличает. Только об одном прошу: хорошенько присматривайте за ним. Как-никак, в чужом городе, да и мал еще.

Купец успокоил Амбо и вышел, приказав громким голосом:

— Дайте им чаю и поесть!

3

Отец с сыном сидели на кухне у купца Артема.

— Ну, теперь уж все в твоих руках, Гикор-джан. Посмотрим, какой из тебя человек выйдет. Ты должен вести себя так, чтобы... ну... сам я не знаю как. Ох, господи!.. — вздохнул Амбо и набил трубку.

Между тем Гикор водил глазами вокруг.

— Отец, а очага у них нет?

— Нет, у них печи. Вон, видишь, печь...

— И гумна нет?

— Они городские, не мужики. На что им гумно!

— А откуда они хлеб берут?

— За деньги покупают. И хлеб за деньги покупают, и масло, и молоко, и простоквашу, и дрова, и воду...

— А ты что думал? Это, брат, Тифлис. Будь только молодцом, много чего еще узнаешь.

— Отец, а церковь у них есть?

— Есть, конечно. Они тоже христиане, как и мы. Только смотри ты у меня, чужого не бери! Может,

случится, нарочно подбросят деньги — испытать тебя, — смотри и близко не подходи. А найдешь, отнеси, скажи: «Ханум, что это за деньги здесь валялись?» или: «Ага, я здесь вот что нашел», а то...

— А что, разве и здесь есть пристав?

— Есть, а как же! Попусту или не во-время из дому не выбегай. Заведутся деньжата — смотри зря не трать, у нас дома нужда страшная. Береги здоровье, по ночам укрывайся хорошенько, не простудись. Будет случай, через земляков письма присылай...

Так, потягивая из трубки, Амбо наставлял сына. Между тем Гикор уже дремал.

— Будут давать тебе черствый хлеб, обьедки будут давать, а то иной раз сами покушают, тебе не дадут, — ничего, слугам так всегда. Вот так и будешь коротать дни: день недолог — стемнеет, и нет его...

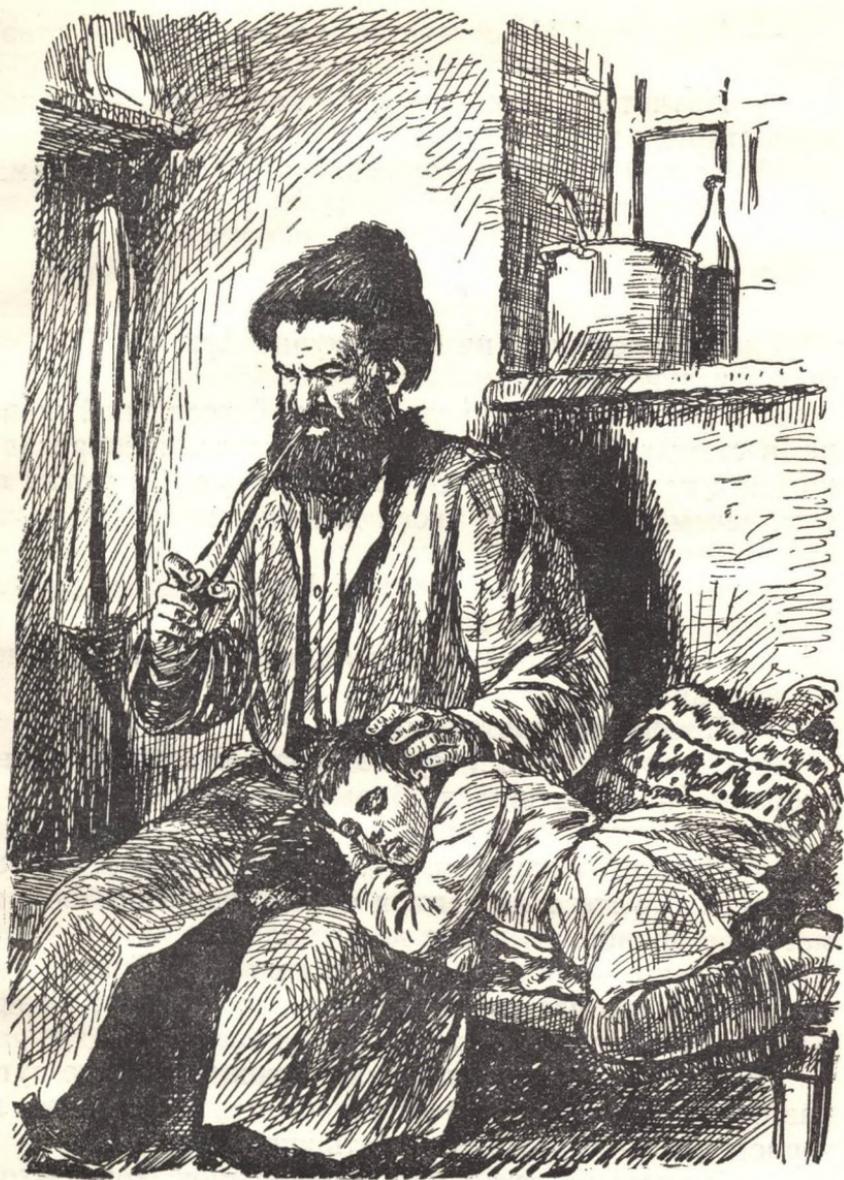
Амбо все продолжал свои наставления, а Гикор уже спал, приткнувшись к нему.

За эти два дня он так много видел, так насмотрелся по сторонам, что совсем выбился из сил.

Лавки, заваленные всякими фруктами, горы разноцветных ситцев, игрушки всякие, толпы детей, идущих в школу, фаэтоны, мчащиеся один за другим, караваны верблюдов, ослики, навьюченные зеленью, кинто¹ с лотками на головах — весь этот грохот и звон, шум и крики, все гудело у него в ушах. Он устал от впечатлений и крепко спал.

Тем временем купец и его жена спорили. Жена ворчала, что слуга неуч, дикарь прямо с гор, а муж радовался, что нашел на несколько лет дарового работника.

¹ Кинто — уличный торговец.

— Научится! Не останется же век таким, — говорил он.

— Научится, дочка, не расстраивайся! — вступалась старушка, мать купца.

Но госпожа Нато не унималась. Она со слезами проклинала судьбу.

4

Гикор сидел один на кухне купца Артема. Он уже был в услуженье.

В нахлобученной до ушей старой хозяйской шапке, в старых башмаках и в синей блузе, преобразившийся с головы до ног, сидел он на кухне и думал о том, зачем он ушел из своей деревни, куда попал и что его ожидает.

В это время вошла госпожа Нато.

Гикор продолжал сидеть на месте.

Она что-то сказала. Гикор не то не расслышал, не то не понял.

— С тобой говорят, медведь!

Гикор оробел, его ударило в пот; он хотел переспросить, но не решился. Барыня вышла разгневанная.

— Проклятые дикари, так и повиснут камнем на шее! Полюбуйтесь на него: я с ним говорю, а он и с места не двинется и слова не вымолвит...

«Кончено! — промелькнуло в голове у Гикора. — Но как быстро все кончилось, как плохо кончилось!.. Как же мне теперь быть? И отца нет...»

Он думал, что наступил уже конец всему, но тут, разговаривая сама с собой, вошла в кухню добрая, в черном платье старушка — мать купца.

— Почему не встаешь с места, сынок, когда вхо-

дит барыня? — наставляла она Гикора. — Когда спрашивают — отвечай. Разве можно так?..

Старуху все звали «дэди».

Дэди учила Гикора, как он должен все делать: как ставить самовар, как чистить башмаки, как держать щетку, как мыть посуду...

Все его обижали, кроме старой дэди.

Мальчики из хозяйской лавки постоянно издевались над ним: звали сопляком, хватали за нос, хлопали по голове, нахлобучивали ему шапку на уши.

Но все это было ничего, все это можно было терпеть.

Тяжко было то, что он никак не мог привыкнуть к голоду. У себя дома бывало проголодается — возьмет из корыта хлеба, достанет из кувшина кусок сыру и, жуя, идет себе играть. А то, положив еду за пазуху, уйдет бывало в поле и, как только захочется, сядет где-нибудь под деревом или у родника и поест.

А здесь иначе. Как бы ни был голоден, жди обеденного часа, да и то сперва должны поесть все, а он уж последним. А этот проклятый час наступал так поздно, что у него до дурноты сосало под ложечкой.

Он пробовал несколько раз терпеть, а потом начал поглядывать, нет ли на кухне чего съестного, чем бы заморить червячка, пока не наступит обеденный час.

Вначале он совал в рот все, что ему ни попадалось: хлебные крошки, обгрызенную кость или еще что-нибудь. Потом стал шарить по кухонным шкафам. А потом даже научился вытаскивать из кастрюли куски недоваренного мяса...

А если заметят?

Ой, как будет скверно!

А вдруг заметят?

Что тогда делать?

Бросить, убежать?..

И Гикор стал подумывать о бегстве.

Но как бежать, куда, в какую сторону? Не зная дороги, не зная никого... А отец?..

Сколько он уговаривал, настаивал: так, мол, и так, будешь коротать дни: день недолог — стемнеет, и нет его.

И вот в ушах Гикора звенит хриплый голос отца: «Так вот и будешь коротать дни: день недолог — стемнеет, и нет его».

5

Раздался звонок.

Гикор вскочил. Ему было сказано, что когда позвонят, нужно сперва узнать, кто звонит и что надо. Он вышел, посмотрел с балкона, видит: у подъезда стоит господин и с ним несколько дам.

— Эй, кто вы такие? — крикнул он сверху.

Те взглянули наверх.

Дамы засмеялись, а господин спросил:

— Барыня дома?

— А на что она вам?

Смех усилился.

— Тебя спрашивают, дома или нет! — рассердился господин.

— А что, дело есть?

На шум вышла барыня.

— Провались ты совсем! Да иди же скорей, открой дверь, окаянный! — крикнула она и стала проклинать Гикора и мужа.

Но вскоре показались гости, и она встретила их с улыбкой:

— А, здравствуйте, здравствуйте! Какими судьбами, как это вы вспомнили о нас?

— Откуда вы его раздобыли? — спросил господин, разглядывая Гикора, а дамы не переставали смеяться.

— Вы, видно, завидуете? Хотите, уступлю! — пошутила хозяйка, и гости весело вошли в комнаты.

Хозяйка наскоро куда-то послала Гикора, а сама тотчас вернулась к гостям.

Справившись о здоровье, гости стали рассказывать, с какими приключениями они попали к ней в дом, и получилась целая история.

— Ох, сил нет больше! — жаловалась госпожа Нато. — Если б вы знали, сколько мне приходится терпеть! «Прогони ты его», говорю мужу. Но вы знаете характер Артема: говорит — жалко, деревенский мальчик, пусть поживет, нечего жалеть кусок хлеба, со временем научится всему... Но когда же? До тех пор он душу у меня вымотает.

— Ой, и не говорите о прислуге, беда с ними! — начали жаловаться дамы.

С полчаса гости беседовали о том о сем: о прислуге, о городских новостях. Как раз во время этой беседы вбежал Гикор, весь в поту:

— Барыня, я фрукты принес!

— Хорошо, ступай, — сказала хозяйка и покраснела.

А гости стали смеяться.

— Барыня, барин сказал, что черешня дорога, не нужно...

Кое-кто из гостей фыркнул, зажав рот платком, а другие, чтобы вывести хозяйку из неловкого положения, подтвердили, что и в самом деле черешня очень дорога, кто ж в такое время ее покупает! И стали упрекать хозяйку: к чему, мол, фрукты, зачем она беспокоится, не ради же угощенья они пришли...

Хозяйка, покраснев до ушей, хотела как-нибудь замаять неловкость:

— Еще неизвестно, что муж сказал. Этот олух не понял...

— Провалиться мне, если вру! — воскликнул Гикор и этим довершил все.

6

После ухода гостей госпожа Нато, сердито и громко разговаривая сама с собой, убирала со стола. Она ругала Гикора, перечисляя один за другим все его проступки, проклинала мужа и свою судьбу.

— Он неопытен, дочка, научится, милая, чего ты огорчаешься?.. О господи, и зачем я живу на свете! — вздыхала старая дэди.

— Хоть бы ты не вмешивалась со своими разговорами, когда и без тебя тяжело!.. Неопытен, так исполняйте сами его работу! Рабыня я вам, что ли? — ответила старухе невестка и, все больше и больше возвышая голос, продолжала жаловаться и браниться до самого прихода мужа.

Заслышав его шаги, она заголосила громче прежнего и стала кричать и швырять посуду:

— Говорю тебе, прогони его, пусть убирается! Я сама буду все делать, если ты жалеешь денег на приличную прислугу. Лучше самой работать, чем так мучиться каждый день. Враг ты мне, что ли?

— А что случилось? — спросил купец, остановившись посреди комнаты.

— Что еще могло случиться? Одно недоставало — чтобы он оскандалил меня перед людьми, и ты этого добился, чего ж тебе еще надо! — напустилась на него жена и рассказала историю с черешней.

— Ну?! — воскликнул купец.

— Ах, господи! — вздыхала старуха, беспомощно суется.

Купец кликнул Гикора.

Гикор ввалился, стуча башмаками.

— Подойди сюда! — крикнул купец.

Гикор оробел и застыл на месте.

— Говорят тебе, подойди!..

Гикор попытался было шагнуть вперед, но так и не двинулся с места.

— Медведь ты этакий! Я тебе говорю: скажи барыне, что черешня дорога, а ты давай ляпать при гостях!

— Я... я... барыне... — начал было оправдываться Гикор, но не успел произнести и слова, как раздалась пощечина.

В глазах у него потемнело, он ударился головой о стену и упал. А купец стал бить его ногами, приговаривая:

— Черешня дорога... черешня дорога... а?..

Вступилась, вся дрожа, старая дэди, стараясь унять разъяренного сына; вмешалась и барыня; дети стали визжать.

Купец, запыхавшись, отошел наконец, все повторяя: «Черешня дорога, а?» и глядя выпученными глазами на забившегося в угол Гикора, который дрожал всем телом и жалобно стонал:

— Ой, мамка, милая... ой, ой!.. Ой, мамка, милая...

7

Видя, что Гикор не справляется с домашней работой, хозяин перевел его в лавку. Там он должен был убирать помещение, укладывать на полки ситцы, до-

ставлять купленный товар на дом, а в свободное время стоять у входа и зазывать в лавку покупателей.

И вот Гикор несет в лавку обед. С судком в руках, истощенный и бледный, волоча огромные, не по ногам, башмаки, проходит он через мост. Поглядел вниз. Там Кура яростно билась о быки под высокой стеной караван-сарая, крутилась, бурлила, вздувая мутную пену, и глухо стонала, как бы задыхаясь в тесном каменном ложе.

У берега кружилась зеленая лодка. В ней сидели двое: один забрасывал невод, другой правил.

«Сейчас вытащит», подумал Гикор, стоя на мосту и глядя на рыбаков. Невод пришел из воды пустым.

— Ну-ка, на мое счастье! — сказал Гикор, когда следующий раз закинули невод.

Но и на счастье Гикора невод оказался пустым.

— А это на счастье нашей Зани.

И на этот раз невод был пуст.

— Ну, а теперь на счастье Гало.

Не повезло и Гало.

— А на этот раз...

В это время у ворот караван-сарая поднялся шум. Перс водил обезьяну и напевал:

Ну, мартышка, попляши,
Как танцуют, покажи,
На пирушках молодухи
И горбатые старухи.

Народ окружил перса стеной; стали стекаться зеваки. И Гикор побежал туда же. Он пытался пробиться сквозь толпу, протиснуться вперед, но не мог; стал на цыпочки и, вытянув шею, старался увидеть хоть одним глазком, что творится там в середине.

— Куда лезешь, негодяй! Иди, куда тебя послали! — прикрикнул на него какой-то кинто и ударил его по голове.

Гикор опомнился и побежал в лавку.

8

Вечером Гикор сидел, съезжившись, в кухне. На глазах его еще не высохли слезы, щеки горели от пощечин, и голос барыни еще не успел затихнуть, как вошел, посвистывая, Васо, приказчик из хозяйской лавки.

Заметив Гикора, он тотчас остановился и, придав своему шутовскому лицу серьезное выражение, грозным голосом спросил:

— Эй, ты, медведь! В клубе задержался или у губернатора был по неотложному делу?

Гикор не подымал головы.

— Ну-ка, рассказывай, послушаем.

Гикор молчал.

— Не слышишь, что ли? Эй! Где ты был, что чуть не уморил меня нынче с голоду, а? А если б я помер, что тогда?

С этими словами он медленно подошел к Гикору и вдруг ударил его по голове. Чтобы избежать второго удара, Гикор прикрыл голову обеими руками и прижался к стене. Васо уже готовил второй удар, но со двора донесся голос хозяина, возвращавшегося домой.

— Посмотришь, как он с тобой расправится! — пригрозил Васо.

«Убьют меня теперь», промелькнуло в голове у Гикора, и душа у него ушла в пятки.

Хозяин уже порядком избил его в лавке и теперь

велел только оставить без ужина, чтоб он понял, что такое голод.

Опасность миновала.

Гикор успокоился, хотя и слышал, как барыня кричала мужу:

— Ну чего ради ты его держишь? Прогони его, прогони, пусть убирается на все четыре стороны!

9

Свернулся Гикор в клубок под одеялом, прикрыл им и голову, — словно нет Гикора.

В лунные ночи скитаюсь, бессонный,
Брожу одиноко, как тень, как бездомный,
Ах, как бездомный... —

ужиная, напевал любимую песню Васо.

Гикор осторожно выглядывал из-под одеяла, смотрел украдкой и снова закрывал глаза. В этот день он куска хлеба в рот не брал; избили его, наплакался он вдоволь, а теперь лег голодный, и ему не спалось.

— Ну что, каково? Небось, не спится с голоду? Так тебе и надо... — заметил шутник Васо и сунул Гикору кусок хлеба с сыром. — На, бери, — сказал он, — только ешь под одеялом, чтоб хозяин не увидел.

Гикор схватил хлеб, укрылся с головой, чтобы его не было видно, ел и думал. Он думал о родном доме, о тех днях, когда он бегал на воле по коврам лугов, когда наедался досыта; думал и о тех вечерах, когда отец и мать спорили между собой, отправлять ли его в город; вспоминал, как плакала мать, как не хотела отпускать его...

— Ах, мамка моя милая, как чуяло твое сердце, как оно знало! — вздыхал Гикор под одеялом, жуя хлеб с сыром и прислушиваясь, не идет ли случайно хозяин.

А утром он снова стоял у входа в лавку.

10

Стоя у входа в лавку, Гикор зазывал покупателей, громким голосом выхваляя хозяйский товар.

— Зазывай, эй, ты! Что стоишь, как истукан? Или воды в рот набрал?

— Сюда пожалте, сюда пожалте!.. — выкрикивал Гикор.

А в лавке с хохоту помирали.

Они подучивали его силком тащить в лавку покупателей, и он часто хватал за полы какого-нибудь прохожего и грубо, упорно тянул его, не отпуская, пока тот не выходил из терпения; потом снова возвращался на свое место и продолжал зазывать покупателей.

Бывало в летние знойные дни, устав от долгого стояния перед лавкой, он иногда засыпал, сидя на штуках ситца, сложенных у входа.

Тогда приказчики или соседи подносили ему к носу нюхательный табак. Он чихал и вскакивал.

Изнуренные жарой соседние купцы развлекались этим зрелищем, а хозяин, насмеявшись вдоволь, кричал:

— Эй, ты, медведь, заснул, что ли? Зазывай, ну!..

— Сюда пожалте, сюда пожалте! — выкрикивал Гикор.

Раз, когда Гикор зазывал покупателей, из противоположной лавки вышли двое крестьян. Он подбежал к ним и начал их обнимать.

— Ну, посмотри! Мне бы тебя нипочем не узнать! Чудеса! — воскликнул с удивлением один из крестьян и обратился к товарищу: — Баго, ты бы узнал?

— Я бы его по глазам узнал, — похвалился товарищ.

И действительно, очень уж изменился Гикор, очень уж осунулся. И сам изменился, и одежда не та, что раньше. Трудно было узнать его.

— Право, смотреть любо: в люди вышел... Да ты взгляни на одёжу, посмотри, какой он из себя! — восхищались крестьяне.

— Ай да Амбо! Мы ему и в подметки не годимся. Сумел же устроить сынка, а наши ребята свиней пасут.

Между тем Гикор засыпал земляков вопросами:

— Ну, как мать? Дети наши как? Почему отец не пришел? Отелилась ли корова у нас? Кто на селе помер?

— Все, все живы, здоровы, кланяться тебе велели, — отвечали крестьяне. — А помер Сукнанц Гукас да старуха Пучуранц, а все прочие живы, здоровы.

— Почему же отец не приходит?

— И хотел бы, да разве можно? Один на всех работник, а хлопот по дому полон рот.

— А ничего мне не прислали?

— А что у них есть, чтоб прислать? Сам разве не знаешь, что у вас дома делается? И хлеб в этом году не уродился — бедняга отец еле концы с концами сводит. Чего ж ты от него ждешь? Коли есть что у

тебя, сам ему пошли. Вон уж налоги требуют, а у него ни гроша в кармане.

— Не хворает из наших никто?

— Нет, только ваша корова Цагик подохла, свалилась с крыши у соседей, у Мирзанц.

— Как? Цагик подохла?..

— Да, бедная мать твоя плакала-плакала, чуть не ослепла.

С этими словами один из крестьян достал из кармана письмо и подал его Гикору, говоря:

— Ну, что еще скажешь? Мы больше не увидимся, нам уж в дорогу пора. Коли думаешь послать чего-нибудь матери или сестре, давай — отнесем.

— Да откуда мне посылать! Я еще не зарабатываю... да и сам...

— Что сам?

— Сам хочу итти с вами; очень уж я соскучился по деревне и по нашим, да к тому же...

— Да что ты! А мы думали, ты и впрямь вышел в люди, поумнел. Что тебе в голову лезет? Живешь ты здесь по-барски, одёжа новая, чист, опрятен. Мы уж думали просить тебя пристроить как-нибудь и наших детей, и что же от тебя слышим? Говорят: «Посади свинью на ковер, а она скок в свою лужу». Точно это про тебя сказано.

Так, пожурив и вразумив его, крестьяне попрощались и ушли.

После ухода их Гикор забился в свой угол и раскрыл отцовское письмо:

«В город Тифлис...

Дорогой сын мой Гикор-джан!

Мы все живы и здоровы и желаем тебе здоровья, аминь. Сердечно кланяются тебе отец, мать, Зани,

Моси, Микич, Гало, аминь. Дорогой сын наш Гикор! Да будет тебе известно, что доля наша очень горькая, что большие налоги требуют, а платить нечем, и что матушка и Зани ходят голые — нечего надеть, и что жить нам стало очень трудно. Гикор-джан, пришли нам сколько-нибудь рублей и пришли письмо о своем житье, и да будет тебе известно, что наша Цагик издохла и что мать и Зани ходят голые».

Прочитал письмо Гикор и задумался, не двигаясь с места. Он загрустил по дому. Строки письма жгли его сердце: «Матушка и Зани голые, нечего надеть... жить нам стало очень трудно...»

— Эй, ты, зазывай! Память, что ли, отшибло? — крикнули ему из лавки.

— Сюда пожалте, сюда пожалте! — выкрикивал Гикор, стоя у входа в лавку.

12

Пришла зима. Снежная вьюга, дыша ледяной стужей, неслась над городом. Завывая, кружила она вихрем по улицам, проникала во все уголки, охотясь за нищими и голыми, ища бесприютных детей.

И вот нашла Гикора.

Он стоял перед лавкой в одной тоненькой блузе и выкрикивал:

— Сюда пожалте, сюда пожалте!..

«А в-в-вот и ж-ж-жертва!» — завывала вьюга злобно и пронизала его холодом до мозга костей, как мечом-невидимкой.

Гикора проняла дрожь.

Он так был изможден и изнурен, что этого было достаточно. Мальчик слег.

Больной Гикор лежал на кухне у купца Артема. Старуха-дэди, разговаривая сама с собой, по нескольку раз в день заходила к нему и спрашивала:

— Не хочешь ли чего, сынок Гикор?

— Воды!..

Дэди подавала ему воды. Больной хватал дрожащими руками кружку, выпивал жадно до дна и снова просил:

— Не освежает вода сердце, дэди... Ах, дэди, как хочется нашей студеной ключевой водицы... как хочется домой... как хочется к мамке!

Купец Артем не ждал такой беды. Он кинулся туда-сюда, разыскал наконец одного из земляков Гикора и поручил передать Амбо, чтобы тот приехал; а Гикора положил в городскую больницу.

Там лежало много больных; они грустно вздыхали и смотрели в потолок безжизненными глазами.

Положили туда и Гикора.

В больнице нашел его отец.

— Что с тобой, Гикор-джан, дорогой мой? — горестно кинулся к сыну Амбо.

Гикор был в жару и не слышал отца.

— Гикор-джан, это я, я пришел, Гикор-джан...

Больной ничего не понимал. Он бредил и в бреду выкрикивал: «Микич! Зани! Отец! Мамка!..»

— Здесь я, Гикор-джан, мамка меня послала за тобой, чтоб домой тебя взять... Не идешь? Вон Микич и Зани, стоят на крыше, смотрят на дорогу, скоро пойдут встречать тебя. Ну, скажи что-нибудь! Говори же, Гикор, дорогой мой!..

— Сюда пожалте! Сюда пожалте! — закричал больной, произнес несколько бессвязных, отрывистых слов и стал смеяться в бреду.

Дня через два Амбо возвращался в свое селение. Он похоронил Гикора и шел домой.

Подмышкой он нес его одежду, чтобы мать могла поплакать над ней. В карманах у Гикора были горсточка блестящих пуговиц, разноцветные бумажки, лоскутки ситца, несколько булавок: вероятно, все это Гикор собирал для сестренки Зани.

Шел Амбо и думал. Еще не так давно по этой же дороге он шагал в город со своим Гикором. Вот и то место, где Гикор сказал: «Отец, ноги болят у меня».

Вот и то дерево, под которым они присели отдохнуть.

Вот место, где он сказал: «Отец, мне пить хочется».

А вот и родник, где они напились.

Всё, всё на месте, только его нет...

На другой день, когда Амбо переваливал через горы, вдали показалось их село.

На краю села стояли, поджидая, мать, Зани, Микич и Мози, а маленький Гало, вырываясь из рук матери, кричал:

— Иди, иди, эй, Гикол!..

МАТЬ

Беседовали мы весенним вечером на дворе, когда это случилось. С тех пор я не могу забыть этот весенний вечер.

Ласточка свила гнездо под нашей кровлей. Каждую осень улетала она и вновь прилетала весной, а гнездо ее оставалось всегда прилепленным под нашей кровлей.

И весна раскрывалась, и сердца наши раскрывались, едва лишь ласточка со своим веселым щебетом возвращалась к нам на село, под нашу кровлю.

И вот опять вместе с весной вернулась ласточка в свое гнездо. Снесла яйца, вывела птенцов и по целым дням носилась с веселым визгом, добывая пищу своим малюткам.

В тот вечер, о котором я веду речь, ласточка примчалась с червяком для птенцов в клювике. Птенцы с криком выставили из гнезда желторотые головки.

Случилось так, что один из них — то ли самый неосторожный, то ли самый голодный — второпях высунулся из гнезда и свалился наземь.

Мать пискнула и бросилась за птенцом. И в ту же самую минуту, откуда ни возьмись, наша кошка, выскочив, схватила птичку.

— Кш! Кш!.. — закричали мы.

А ласточка с раздирающим душу криком вилась над кошкой, как бы норовя заклевать ее. Напрасно! Кошка пустилась наутек и скрылась в сарае. И все это произошло так быстро, что беде ничем нельзя было помочь.

Ласточка, неистово крича, кружилась над сараем, а мы, дети, палками шарили там, пока наконец не выскочила кошка и, облизываясь, побежала в овин.

Ласточка, увидя кошку без птенца, испустила пронзительный крик и присела на ближайшее дерево. Там она притихла. И вдруг камнем метнулась вниз. Бросились мы к ней — она лежала мертвая под деревом.

Случилось это весенним вечером. Много лет прошло с тех пор, но мне не забыть того весеннего вечера, когда я впервые понял, что ласточка-мать — та же мать и что сердце у нее такое же, как и у нас.

СОДЕРЖАНИЕ

Ованес Туманян. <i>Н. Туманян</i>	3
---	---

Стихотворения

Журавли. <i>Перевод Л. Горнунга</i>	7
Маленький земледелец. <i>Перевод Л. Горнунга</i>	8
Май — зеленый брат. <i>Перевод Л. Горнунга</i>	9
Весенний зов. <i>Перевод Л. Горнунга</i>	10
Дитя и вода. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	12
Ручей. <i>Перевод Л. Горнунга</i>	14
Прялка. <i>Перевод С. Маршака</i>	16
Туча и утес. <i>Перевод Л. Горнунга</i>	18
Конец осени. <i>Перевод Л. Горнунга</i>	19
Утро. <i>Перевод Л. Горнунга</i>	20
На рассвете. <i>Перевод Л. Горнунга</i>	21
Слепой ашуг. <i>Перевод Л. Горнунга</i>	22
Родник. <i>Перевод Л. Горнунга</i>	23

Рассказы и сказки

Собака и кот. <i>Перевод С. Маршака</i>	27
Козленок. <i>Перевод Я. Хачатрянца</i>	35
Бесхвостая лиса. <i>Перевод Я. Хачатрянца</i>	39
Лжец. <i>Перевод Я. Хачатрянца</i>	43
Смерть Кикоса. <i>Перевод Я. Хачатрянца</i>	45
Хозяин и работник. <i>Перевод Я. Хачатрянца</i>	49
Гикор. <i>Перевод А. Туманян</i>	56
Мать. <i>Перевод Я. Хачатрянца</i>	78

~~Изд. 1900~~

~~Изд. 1900~~

~~Изд. 1900~~

51716

Т 83 Жуланько
Избранное

950р. 1р.80к.

51716

~~Изд. 1900~~

100 =
Цена ~~1 р. 80 к.~~

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ И СЕМИЛЕТНЕЙ ШКОЛЫ

Ответственный редактор А. Кравченко. Художественный редактор Г. Вебер.
Технический редактор М. Кутузова. Корректоры Е. Кайрукштис и
А. Ясиновская.

Сдано в набор 24/VI 1950 г. Подписано к печати 11/VIII 1950 г. Формат 60 × 84¹/₁₆ =
= 2,688 бум. — 4,907 печ. л. (3,02 уч.-изд. л.). Тираж 50 000 экз. А06715. Заказ № 810.